

Я уже давно стараюсь не бывать на Литейном проспекте, даже в музее-квартире Н.А. Некрасова, который более 30 (!) лет был для меня родным домом. Причин тому слишком много... В середине 1980-х годов я познакомился с Романом Алексеевичем Перовым, внуком знаменитого художника, который служил в Царском селе с С.А. Есениным в санитарной части (1916 год).

Пока я рисовал два портрета этого колоритного человека, он читал наизусть (а ему перевалило за 90) поэму «Песнь о великом походе» своего друга и одноклассника и говорил: «Вот будет музей Серёженьки, расскажите в нём о том, что я Вам поведаю». Перов решительно и уверенно освободил образ Поэта от сплетен и домыслов, но это особая тема.

Когда с началом «перестройки» стали подвергаться тотальному пересмотру ценности русской культуры, замечательный поэт-фронтовик Элида Михайловна Дубровина (1925–1992) вскрыла корни «заговора молчания» вокруг наследия Есенина, определила суть культурно-идеологических процессов, протекавших в стране при жизни поэта и после его гибели; она же создала в Ленинграде Есенинский клуб, куда вошли многие исследователи жизни и творчества поэта. Дубровина пригласила меня в качестве художника, архитектора и лектора. Единственное место для музея было на слуху у каждого из нас – дом 33 на Литейном проспекте, в центре самой «литературной» улицы Петербурга, да и всей страны, улицы многочисленных писательских квартир, редакций

Роман Алексеевич Перов
Рис. В. Г. Исаченко, 1983 г.

журналов и газет, книжных магазинов. Именно здесь, в квартире 2 было главное семейное «гнездо» поэта, где он был счастлив и рад гостям. Мало кто знает сегодня, что Есенин, «обыкновенный гений», совершивший гигантский шаг в своём развитии за короткий срок, любил Петроград больше, чем первопрестольную, и мечтал окончательно поселиться в городе на Неве.

Для будущего музея энтузиастами был собран бесценный материал, а автор этих строк не только выполнил обмерные чертежи, но и разработал концепцию экспозиции

будущего музея, включив в его состав соседнюю квартиру, имеющую общий тамбур с есенинской, которая, кстати говоря, хорошо сохранилась и требовала лишь несложного ремонта. В ней предполагалось устройство поэтического клуба, и я был первым, кто здесь выступил. Жильцы обеих квартир весьма доброжелательно отнеслись к этим планам, а в 1989–1990 годах, пройдя ряд инстанций, мои разработки оказались в Мариинском дворце, где располагался Ленсовет. Хорошо помню, как я, не надеясь на отклик, позвонил председателю Ленгорисполкома Владимиру Яковлевичу Ходыреву и сразу же услышал его усталый, точнее говоря, измученный голос: «Да, решение о музее принято, регистрационный номер (кажется, 72 или 74. – В. И.), так что, готовьтесь к должности зама по науке». Это был праздник, и не только для меня.

А что же дальше? А дальше – декабрь 1991 года. Вот и всё.

Примечание.

В те же годы мне довелось столь же безуспешно, но с ещё большим энтузиазмом заниматься музеефикацией квартиры М.Е. Салтыкова-Щедрина на Литейном пр. 60. Не помогло даже решение ЦК КПСС, поддержавшего наш проект (!?). В Смольном распоряжение ЦК сдали в архив.

А Щедрин и Есенин – всего лишь два бомжа в нашем городе, два товарища по несчастью.

Январь 2020 года.